

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ НАРОДНОСТЕЙ КРАЙНЕГО СЕВЕРА К РОССИИ

Н. Н. Степанов

Товарищи И. В. Сталин, С. М. Киров и А. А. Жданов в своих «Замечаниях по поводу конспекта учебника по истории СССР» указывали на необходимость изучения истории народов Севера, подчёркивая, что авторы конспекта не учли данных по истории народов, которые вошли в состав СССР, в том числе и северных народов¹.

Начало общения русских людей с народностями Крайнего Севера относится к очень ранним временам². Воссоздать начальные этапы этого общения на основании письменных источников невозможно; о характере их можно судить лишь по позднейшим историческим данным.

Ещё в дореволюционной историографии С. Ф. Платоновым, М. М. Богословским и др. довольно подробно был изучен процесс русской колонизации европейского Севера. Многие в выводах этих историков представляется ошибочным. Так, С. Ф. Платонов, например, во что бы то ни стало стремился представить организаторами и руководителями народной колонизации северных территорий новгородских «бояр-капиталистов», рассматривая историю европейского Севера до XV в. как «эпоху капиталистической эксплуатации края» (?!)³.

На самом деле эти территории составляли область феодальной колонизации сперва древнерусского государства, а затем Новгородской боярской республики и отчасти Владимиро-Суздальской Руси.

Первоначальные формы властвования (сбор даней, «повоз» — доставка их в определённые пункты — «погосты») крепили по мере социально-экономического развития Руси, по мере роста в этих землях русской крестьянской колонизации.

Вслед за саамами (лопарями) в экономические и культурные связи с Русью вступают более отдалённые народности Крайнего Севера — ненцы («самоеды»), ханты и манси (остяки и вогулы). Первые сведения об югре (остяки и вогулы) и ненцах в русских источниках относятся ещё к XI веку. «Югра же людье есть язык нем, и соседять с самоедью на полунощных странах», — записал летописец под 1096 годом⁴. Известия о сказочных пушных богатствах «полунощных стран» и оленных стадах их обитателей, украшенные фантастическими подробностями, скоро нашли своё место также на страницах новгородских летописей: «Спаде туча велика, и в той тучи спаде веверица (белка.— Н. С.) млада, явы топерво

¹ См. сборник «К изучению истории», стр. 22. Партиздат ЦК ВКП(б). 1937.

² В данной статье речь идёт только о народностях Крайнего Севера, поэтому здесь не рассматриваются такие народы, как коми и карелы. Не рассматриваются здесь и такие народности, как нанайцы, ульчи, орочи, ороки, нивхи, удэ и т. д., обычно относимые к народам Крайнего Севера по своей этнической принадлежности. Исторические судьбы народностей Дальнего Востока были, однако, во многом отличны от судеб народностей Крайнего Севера.

³ С. Платонов. Прошлое русского Севера, стр. 12. П. 1923.

⁴ «Повесть временных лет», стр. 167. М.-Л. 1950.

рождена, и возрастиши и расходится по земли; и паки бывает вторая туча, и спадают олени мали в ней, и возрастают, и расходятся по земли»⁵.

Северные оленеводы и охотники очень нуждались в железе и охотно отдавали шкурки пушных зверей в обмен на железные топоры и ножи. И эти сведения новгородский летописец также снабдил причудливым, фантастическим комментарием, обнаруживающим большой интерес на Руси к народностям Крайнего Севера. Русские книжники уже в то время пытались объяснить происхождение этих народностей, связывая его с материалом привычных легенд о народах, «заклёпанных» в горах Александром Македонским: «Суть горы заидуче луку моря, им же высота ако до небесе, и в горах тех кличь велик и говор, и секуть гору, хотяще высечися; и в горе той просечено оконце мало, и туде молвят, и есть не разумети языку их, но кажить на железо и помавають рукою, просяще железа; и аще кто дасть им ножь ли, ли секиру, дают скорою противу»⁶.

Связи народностей европейского Севера в XI—XV вв. с Русью положили начало приобщению их к русской культуре. В этот период колонизационное движение на Север в основном осуществлялось с территории Новгородской земли. К. Маркс так оценивает прогрессивную роль Новгорода в это время: «В X веке его торговля распространялась до Константинополя, а в XII веке его корабли ходили в Любек; его жители сквозь дремучие леса проложили себе путь в Сибирь; неизмеримые пространства между Ладожским озером, Белым морем, Новой Землей и Онегой были ими несколько цивилизованы и обращены в христианство»⁷.

После включения Новгородской боярской республики в состав Русского централизованного государства руководящая роль на Севере перешла к Москве. В это время крепили связи Руси с народностями Крайнего Севера. В XV—XVI вв. в Печорском крае возникли промышленные посёлки — сёла и слободки: Ижемская, Усть-Цилемская, Пустозерск, Лампожня, Окладникова, Роговый, — имевшие оживлённые торговые сношения «с остяки, и с вагуличи, и с самодью»⁸.

С конца XVI в. с историей Русского государства прочно связываются судьбы народностей азиатского Севера. Уже в конце XV в. московское правительство отправило за Уральский хребет три военные экспедиции (1465, 1483 и 1499—1500 гг.). В 1581 г. состоялся поход Ермака, затем последовал ряд новых походов московских воевод. Походом Ермака, как подчёркивает К. Маркс, «была заложена основа азиатской России»⁹.

В Западной Сибири строились первые русские города — Тобольск, Тюмень, Сургут, Берёзов, Обдорск, Нарым и т. д. Наряду с правительственной колонизацией широкой волной шла и народная, крестьянская колонизация нового края. К концу XVI в., когда началась русская колонизация Сибири, последняя представляла пёструю картину во всех отношениях — в племенном, экономическом, социальном и политическом. Десятки народностей самого различного происхождения (угры, самодийские и тунгусские народности, тюрки, монголы и др.), из них многие, не завершившие ещё своего этнического оформления, были рассеяны на колоссальной территории между Уральским хребтом и Великим океаном, Ледовитым океаном и степями Центральной Азии.

Предшествующая многовековая история народов Сибири не создала прочных государственных образований. Народы Южной Сибири в различные исторические периоды входили в состав государственных образований

⁵ «Полное собрание русских летописей». Т. III, стр. 133.

⁶ «Повесть временных лет», стр. 167.

⁷ Архив Маркса и Энгельса. Т. VIII, стр. 156.

⁸ С. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI—XVII вв., стр. 72. М. 1928.

⁹ Архив Маркса и Энгельса. Т. VIII, стр. 166.

Центральной Азии. Обычно эти образования были смешанного этнического состава и возглавлялись каким-нибудь племенем, подчинившим себе другие племена, часто иного происхождения. Они, подобно империям Кира и Александра Великого, Цезаря и Карла Великого, «представляли конгломерат племён и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки»¹⁰.

В Центральной Азии последовательно сменили друг друга держава гуннов — хун-ну (III в. — I в. до н. э.), держава сянь-би (I в. до н. э. — IV в. н. э.), объединение под главенством племени жуань-жуань (IV—VI вв.), тюркский каганат (VI—VIII вв.), держава уйгуров (VIII—IX вв.), держава хакасов (IX—X вв.), киданьское государственное образование (X—XII вв.) и, наконец, держава ньучженей (XII—XIII вв.).

Все эти государственные образования в той или иной мере захватывали и территории Южной Сибири. Центральная и Северная Сибирь оставалась вне сферы политического влияния этих относительно быстро разрушавшихся образований. Позднее монголы называли Северную Сибирь «страной мрака». Не затронула этой страны и империя Чингисхана — это наиболее мощное из всех государственных образований Центральной Азии. Лишь в XV в. на территории Западной Сибири создано татарское политическое образование — Сибирское ханство, претендовавшее на объединение разрозненных сибирских племён центральной части и севера Западной Сибири. Непрочность и этого политического образования вскрыл поход Ермака, одним сильным и быстрым ударом разрушивший и разваливший его на составные части.

Народности Крайнего Севера, населявшие таёжные и тундровые пространства, существенно различались в своей хозяйственной деятельности. Здесь были и охотники-звероловы (эвенки), и рыболовы (ханты), и оленеводы (ненцы, «оленные» чукчи и коряки), и охотники на морского зверя (приморские чукчи и коряки), и, наконец, скотоводы (якуты). В целом хозяйство народов Крайнего Севера было, однако, комплексным. При ведущей роли одной из отраслей хозяйства у того или другого народа определённое место в хозяйстве занимали и другие отрасли. Так, звероловы-эвенки одновременно были и оленеводами и рыболовами. «Ихтиофаги» (как их называл Спафарий) — ханты — занимались и охотой. При ведущей роли скотоводства у якутов некоторое значение имели и рыболовство и охота. Отдельные группы одной и той же народности, рассеянные на различных территориях, в разных природных условиях, резко отличались своим хозяйством. Так, наряду с таёжными звероловами-эвенками южные эвенки, кочевавшие в степях, занимались скотоводством и коневодством (так называемые «скотные» и «конные тунгусы»), а эвенки, жившие на Охотском побережье, — морским зверобойным промыслом и рыболовством (так называемые «пешие тунгусы»).

Не менее разнообразным был и уровень развития производительных сил у отдельных народов Севера. Показательно в этом отношении использование железа и железных орудий. Якуты знали и ковку железа и выплавку железа из рудных пород. По сообщению казаков, в XVII в. якуты плавят «железо ис камня не по многу, не на большое дело, на свои якутские пальмы, вместо сабель делают и ножи»¹¹. Русские казаки высоко ценили якутские пальмы и куяки и охотно пользовались этими изделиями якутского ремесла.

Тунгусы знали ковку железа, но не умели выплавлять железо из рудных пород. Кричное железо тунгусы получали от якутов и бурят. В отдалённых районах, где они непосредственно не соприкасались с народностями, поставлявшими им железо, у них преобладали орудия из кости и камня. Об охотских тунгусах в середине XVII в. писали, что «бой у них луч-

¹⁰ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 12. Госполитиздат. 1950.

¹¹ «Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII в.», стр. 139—140. Л. 1936.

ной, копейца и рогатины все костяные, а железных мало, и лес и дрова секут и юрты рубят каменными и костяными топорки»¹².

Ещё ниже был уровень развития производителей сил у юкагигов. «Предание о приходе русских к юкагирам», записанное В. И. Иохельсоном, начинается следующей красочной характеристикой культуры юкагигов: «Юкагиры были, с каменными топорами были, с костяными стрелами были, с ножами из реберных костей были, с нартами нартенные (люди) были. Лето, когда наступало — (они) с челноками были. Так жили»¹³. Документальный материал XVII в., правда, вносит в это предание некоторую поправку. Встречались у юкагигов в XVII в. уже и железные орудия и оружие, но всё же сравнительно редко, преобладали костяные и каменные орудия. В связи с этим В. И. Огородников характеризует материальную культуру юкагигов как переходную от камня к железу¹⁴. Юкагиры сами не выделывали железных орудий, а получали их посредством обмена от якутов. Насколько редки были эти железные изделия и как они ценились, показывает интересное предание, записанное тем же Иохельсоном со слов членов одного юкагирского рода на Колыме. До прихода русских у них «был железный топор, собственность всего рода, хранившийся у старейшин», «его носили или возили по всей тундре, когда где нужно было срубить или разрубить на-двое толстое крепкое дерево, что было трудно сделать каменным топором»¹⁵.

На крайнем северо-востоке, на Камчатке и Чукотке, русские застали в XVIII в. в полном смысле слова каменный век. С. П. Крашенинников, первый исследователь Камчатки, в своей работе «Описание земли Камчатки» оставил нам подробное описание материальной культуры ительменов этой поры. Приведём один отрывок: «Прежние камчатские металлы... были кость и камень. Из них они делали топоры, ножи, копия, стрелы, ланцеты и иглы. Топоры у них делались из оленей и китовой кости, также и из яшмы, наподобие клина и привязывались ремнями к кривым топорищам плашмя, каковы у нас бывают теслы. Ими они долбили лодки свои, чаши, корыта и прочее, однако с таким трудом и с таким продолжением времени, что лодку три года надлежало им делать, а чашу большую не меньше года. Чего ради большие лодки, большие чаши или корыта, которые по тамошнему хомягами называются, в такой чести и удивлении бывали, как нечто сделанное из дорогова металла, превысокою работою, и всякой острожек мог тем хвалиться пред другими, как бы некоторою редкостью... А варили они в такой посуде рыбу и мясо каленым камнем. Ножи они делали из горного зеленоватого или дымчатого хрусталя наподобие ланцов востроконечные и насаживали их на черенъе деревянное. Из того же хрусталя бывали у них стрелы, копия и ланцеты, которыми кровь и поныне пускают. Швальные иглы делали они из собольих костей, а шили ими не токмо платье и обувь, но и подзоры весьма искусно»¹⁶. Материалы С. П. Крашенинникова полностью подтверждены специальными работами В. И. Иохельсона и С. И. Руденко по археологии Камчатки¹⁷.

Различия в технике и характере производства служили основой, на которой создавались отношения обмена между народами Севера, а также

¹² «Древности». «Труды Московского археологического общества». Т. XIV, стр. 309. М. 1890.

¹³ В. Иохельсон. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Ч. I. Образцы народной словесности юкагигов, стр. 74. СПб. 1900.

¹⁴ См. В. Огородников. Из истории покорения Сибири. Покорение Юкагирской земли. Чита. 1922.

¹⁵ W. Jochelson. Material Culture and Social Organisation of the Koryak, p. 611. New York. 1905.

¹⁶ С. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 380. М.-Л. 1949.

¹⁷ См. В. Иохельсон. Археологические исследования на Камчатке. «Известия Государственного русского географического общества». Т. LXII, вып. 3—4. 1930; С. Руденко. Культура доисторического населения Камчатки. «Советская этнография» № 1 за 1948 год.

между ними и народами Центральной и Южной Сибири. Драгоценная северная пушнина издавна шла на юг — в Среднюю Азию, Монголию и Китай. Уже арабским путешественникам X в. была известна «страна мрака», куда вела торговая караванная дорога через Поволжье и Урал. Ходили за северной пушниной в «страну мрака» и татары.

Из Средней Азии, Монголии и Китая в Сибирь шли ткани, хлеб, железные и иные металлические изделия, украшения и т. п., оседая на юге и в центральных районах Сибири и лишь изредка проникая на Север. Отношения непосредственного обмена были развиты и между самими сибирскими народами. Татары торговали с хантами и манси, эвенки выменивали пушнину на железо и скот (на мясо) у якутов и бурят, «пешие тунгусы» выменивали рыбу и морского зверя на оленей у «оленных тунгусов», оживлённый обмен происходил у приморских чукчей и коряков с тундровыми и т. д. В. И. Йохельсон так описывает обмен приморских коряков с тундровыми: «Эти две части коряцкого народа не могли бы вовсе существовать без определенной системы обмена. Оленному коряку необходимы ремни из тюленьей кожи и целые шкуры морского зверя: ему нужен тюлений жир и хочется иногда полакомиться тюленьим мясом и рыбой. Приморскому же коряку необходимы оленье мясо и в особенности олени шкуры для одежды»¹⁸.

Обменные связи на Севере не затрагивали глубоко самого производства, оно оставалось в своей основе натуральным¹⁹.

Несмотря на существенные отличия в характере производства, социальная организация народностей азиатского Севера была примерно одинаковой. Все они, за исключением якутов, находились на различных стадиях первобытно-общинного строя. Наиболее примитивным был социальный строй у народов северо-востока (ительмены, юкагиры и др.). У других народов Севера (эвенки, ханты, манси, ненцы и др.) первобытно-общинный строй находился уже в состоянии разложения: родовые единицы дробились на более мелкие — патриархальные домашние общины, происходила имущественная дифференциация, развивалось патриархальное рабство с использованием рабского труда в производстве, возрастала роль военных вождей, одним из стимулов межродовых и межплеменных войн стал захват имущества. У отдельных народностей (ханты и манси) разложение первобытно-общинного строя зашло столь далеко, что некоторые исследователи были склонны усматривать у них даже формирование феодальных отношений, что вызвало, однако, возражения²⁰.

В этническом отношении народности Крайнего Севера представляли совокупность разноязычных племенных и родовых групп. Здесь были и угорские племенные и родовые группы, и тунгусоязычные, и самодийские, и «палеоазиатские». Степень консолидации этих групп была различна, однако полностью эта консолидация нигде завершена не была. Наиболее разительный пример являют тунгусы. Расселённые на колоссальной территории между Енисеем и Охотским морем, между Северным Ледовитым океаном и степями Монголии и Маньчжурии, тунгусы представляли собой совокупность племенных и родовых групп, отличных и по своим занятиям и по своему языку²¹.

¹⁸ W. Jochelson. Указ. соч., стр. 764.

¹⁹ Подробнее см. нашу статью «Межплеменной обмен в Восточной Сибири, на Амуре и Охотском побережье в XVII в.». «Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия исторических наук», вып. 5. Л. 1939.

²⁰ См. С. Бахрушин. Остякские и вогульские княжества в XVI—XVII вв. Л. 1935; Н. Степанов. К вопросу об остяко-вогульском феодализме. «Советская этнография» № 3 за 1936 год.

²¹ См. Н. Степанов. Социальный строй тунгусов в XVII веке. «Советский Север» № 3 за 1939 год. Ср. Г. Санжеев. К некоторым вопросам изучения исторического развития языков. «Известия Академии наук СССР». Отделение литературы и языка. Т. X, вып. I. М.-Л. 1951.

Все эти племенные и родовые группы эвенков были мало связаны между собой. Наивысшей формой объединения этих групп являлись временные (в военных целях) союзы нескольких территориально близких племён. Особняком стояли якуты. Несмотря на значительные разногласия между отдельными исследователями о характере общественного строя якутов в XVII в., не подлежит никакому сомнению, что в это время якуты представляли собою уже классовое общество, а этнически — целостную народность. Нельзя не согласиться с С. А. Токаревым, что «...в эпоху русского завоевания, т. е. около середины XVII в., якуты представляли собой уже консолидировавшуюся этническую группу. Они резко выделялись из числа всех своих соседей — лесных охотничьих племён — не только более высоким уровнем хозяйственного и социального развития, но и тем, что в противоположность пестрой и разноязычной массе тунгусо-ламутско-юкагирских племён якуты говорили на одном языке»²². В социальной структуре якутского общества в XVII в. исследователи вскрыли и феодальные и рабовладельческие элементы, хотя и разошлись по вопросу о том, что же являлось ведущим²³.

Вместе с тем ни у кого не вызывает сомнения то, что после включения в состав Русского государства якутское общество в XVII—XVIII вв. решительно пошло по феодальному пути.

Я намеренно подробно остановился на вопросе о том, что представляли собой народности Крайнего Севера к XVII в., с тем чтобы яснее представить те сдвиги, которые обнаружились в их социальной организации и культуре в XVII—XIX вв. в результате включения их в состав Русского государства и установившегося общения с русским народом.

Включение Сибири, а с ней и азиатского Севера в состав Русского государства является частью процесса образования многонационального Русского государства.

Говоря о присоединении Сибири и Крайнего Севера к Русскому государству, нельзя, конечно, сбрасывать со счетов те военные экспедиции XVI—XVIII вв., которые осуществляли это присоединение новых территорий и покорение живших на них народов насильственным путём. Открывают эти военные экспедиции знаменитый поход Ермака 1581 г. и заканчивают их экспедиции Павлуцкого и Шестакова на Чукотку в середине XVIII века. Историк должен внимательно учитывать и ту борьбу, которую вели эти народы против завоевательной политики царизма, а затем против гнёта колониальной эксплуатации. Советская историческая наука немало уделила внимания этим вопросам, замалчивавшимся дворянско-буржуазной историографией.

Анализируя характер включения народностей Севера в состав Русского государства, историк, однако, не может пройти и мимо других важных моментов. Факты показывают, что не только военно-административный аппарат держал народности Крайнего Севера в системе Русского государства и не одним только оружием было закреплено включение народностей Крайнего Севера в Русское государство. Существовали и другие связи, другие факторы, способствовавшие этому включению.

На Крайний Север широкой волной хлынула крестьянская колонизация. Сюда шли крестьяне, торговые и промышленные люди. Здесь основывались сёла и деревни, завязывались торговые отношения и возникали

²² «Происхождение якутской народности». «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры», в. IX, стр. 59. Л. 1940.

²³ С. Бахрушин («Исторические судьбы Якутии». Сб. «Якутия». Л. 1927; «Очердные задачи исторического изучения Якутии». «Доклады на первой научной сессии Якутской базы АН СССР». Якутск. 1948), О. Ионова («Из истории якутского народа». Якутск. 1945) считают ведущими феодальные элементы. С. Токарев («Очерк истории якутского народа». М. 1940; «Общественный строй якутов XVII—XVIII вв.». Якутск. 1945) считает, что ведущими были рабовладельческие элементы, а А. Окладников («История Якутии». Т. I) оставил вопрос открытым, хотя и признал, что в якутском обществе была «резкая классовая дифференциация».

многообразные культурные и экономические связи коренного населения с пришельцами. Более высокая культура русского населения и преимущества, которые давало приобщение к этой культуре, были той силой, которая зачастую действовала более эффективно, чем оружие. Показательны в этом смысле русско-чукотские отношения в XVIII веке. Как известно, военные походы Шестакова и Павлуцкого на Чукотку в первой половине XVIII в. не привели к покорению чукчей. Царизм потерпел здесь решительное поражение. Однако с помощью экономических, политических и других средств, без применения оружия, присоединение Чукотки было завершено. «Чукчи, когда они были оставлены, — писал В. Г. Богораз, — с удивительной быстротой из «немирных» превратились в «мирных»²⁵.

Чукчи, как и другие народности Севера, попали под власть царизма, несшего безжалостную эксплуатацию и гнёт чиновничества. Несмотря на это, для народностей северо-востока присоединение к Русскому государству означало смену каменного века веком железным. «Настоящий переход от неолитического периода к металлическому периоду произошел под влиянием русских, которые привезли на Камчатку железо, медь, бронзу... сосуды и украшения»²⁶, — писал В. И. Иохельсон в специальной работе по археологии Камчатки. То же самое можно сказать и о чукчах, и о коряках, и о юкагирах. Однако и в других районах, где местному населению уже был известен способ изготовления железных изделий, до появления там русских этих изделий было явно недостаточно. Так, об енисейских тунгусах в XVII в. писали, что у них «один топоронок на двух и трех человек». Экономические связи народностей Крайнего Севера с русским народом привели к появлению у них более усовершенствованных орудий (железные топоры, ножи, позже огнестрельное оружие и т. п.).

Под влиянием прежде всего русского крестьянства народы Севера воспринимали новые занятия, новые хозяйственные навыки. Не так давно были опубликованы материалы о возникновении земледелия у якутов. Эти материалы показывают, что уже в 70-х годах XVII в. якуты осознали значение этой, прежде им не известной отрасли хозяйства, которая позже стала одной из основных хозяйственных отраслей этого народа²⁷.

Интересны бытовые и юридические детали этого приобщения якутов к новой земледельческой культуре. Покажем их на разборе некоторых подробностей дела «о поверстании на пашню ясачного новокрещенного якута Ивана Иванова» (1678 г.). Ясачный новокрещённый якут И. Иванов подал челобитную, в которой просил «поверстать в пашню на Амгу в полную десятину против моей братья амгинских пашенных крестьян». Поручную запись по И. Иванову дают два представителя верхушки служилых людей, пятнадцать рядовых казаков и амгинский пашенный крестьянин: «А пахати ему, Ивану, за нашею порукою на великого государя в поле десятина, а в дву потому ж. А льготы ему, Ивану, дано с нынешнего 187 году декабря с 18 числа да по 189 год декабря по 18 число. А денег ему, Ивану, дано великого государя ис казны на подмогу восемь рублей да десять четвертей с осминою хлеба и с четвериком и с полчетвериком ячмени. А как льготные годы отойдут, и ему, Ивану, пахать в поле по две десятины, а в дву потому ж. А будет он, Иван, за нашею порукою будучи на Амге пашню не учнет пахать, или учнет каким воровством воровать, или после великого государя ясаку или преже соболи и лисицы с ыноземцов покупать и на промысел ходить, или учнет кого посылать и сам на себя ловить, или пашни не станет пахать, или с пашни збежит, и на нас, порутчиках великого государя, пеня, а пеню что великий государь укажет. Который нас, порутчиков, будет в лицах, на том великого государя

²⁵ В. Богораз. Чукчи. Ч. I, стр. 52. Л. 1934

²⁶ В. Иохельсон. Археологические исследования на Камчатке. стр. 238.

²⁷ См. «Исторический архив». Т. V, стр. 50—73. М.-Л. 1950.

и пеня, и подможные деньги, и хлеб нерозвытной, и наши, порутчиковы, головы в его, Иваново, головы место».

В результате челобитной и поручной последовала «память» приказчику Амгинской слободы о поселении якута И. Иванова на пашню, согласно которой приказано было «отвезть ему, Ивашку, земли под двор, и под огород, и под пашню, и под скотской выпуск и сенные покосы против иных пашенных крестьян», также дать ему две коровы и «на семена и на емена десять чети с осминою и с четвериком и с полчетвериком ячмени»²⁸. Во всём этом деле о поверстании в пашню и в феодальную зависимость от государства новокрещённого якута любопытен не только факт перехода его к земледелию, но и факт поруки за якута значительного количества русских людей. Этот факт — один из многих — в какой-то мере характеризует тесные многосторонние связи, которые уже в XVII в. установились между народностями Крайнего Севера и русскими людьми.

Более передовая русская культура быстро внедрялась в быт народностей Севера. Выше я приводил характеристику материальной культуры ительменов, которую дал С. П. Крашенинников. Однако уже во время посещения Камчатки Крашенинниковым в конце 30-х годов XVIII в., то есть спустя 30—40 лет после появления русских на Камчатке, быт и материальная культура ительменов коренным образом изменились. Крашенинников отчётливо видел эту ломку и отметил её так же, как и старую ительменскую культуру. «Токмо ныне во всем последовала великая перемена, — писал он о быте населения Камчатки. — Старые, которые крепко держатся своих обычаев, переводятся, а молодые почти все восприняли христианскую веру и стараются во всем российским людям последовать, насмехаясь житию предков своих, обрядам их, грубости и суеверию». «Во многих местах не токмо у тойонов, но и у простых людей построены избы и горницы по российскому обыкновению... Заведены там и школы, в которые сами камчадалы охотно отдают детей своих». Входила в быт и русская одежда, особенно быстро у женщин. Описывая старинную ительменскую женскую одежду, Крашенинников уже указывает, что «ныне все отменилось, ибо как женщины, так и девки по российски убираются. Носят телогреи и юпки, носят рубахи с манжетами, носят кокошники, чепцы и золотые ленты, а своим разве токмо те не гнушаются, которым лет по 80 от роду»²⁹.

То, что наблюдал Крашенинников на Камчатке в 30-х годах XVIII в., наблюдали и другие русские путешественники в остальных районах Севера. И. И. Лепехин в том же XVIII в. писал о манси (вогулах): «Соседство и обращение с русскими ввели у них и русскую одежду, и мущины от одежды русских крестьян никакой отмены не имеют, притом или за неимением овец, или может быть по незнанию их в рукоделиях, все к одежде принадлежащее покупают у русских мужиков». И далее: «Чем они соседственнее живут с русскими крестьянами, тем более они опрятны и более прилежат к домостроительству. Например, в так называемом Вогульском городке, 25-ти верст не доезжая до Табаранской слободы, где вогуличей от русских крестьян как образом житья, так и во всех крестьянских приборах разпознать не можно»³⁰.

Точно так же и Кастрен в первой половине XIX в. писал о хантах (остяках), что «русское влияние сказалось в религии, нравах и обычаях, во всех образах представлений и чувствований народа». Особенно подчёркивал Кастрен влияние русской культуры на иртышских хантов: «...так как русское господство впервые утвердилось на Иртыше и отсюда мало-помалу распространилось на восток и запад, то естественно, что иртыш-

²⁸ Там же, стр. 51—54.

²⁹ С. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 372—373, 392.

³⁰ «Полное собрание ученых путешествий по России». Т. V, стр. 23, 31—32. СПб. 1822.

ские остяки лучше могли усвоить плоды русского образования, чем прочие родственные им племена... Они живут в порядочных, на русский образец построенных домах, занимаются скотоводством, а в некоторых местах и земледелием, торговлею и другою промышленностью цивилизованной жизни. Охота считается уже только побочным промыслом, а рыболовством занимаются лишь тогда, когда мало других средств к пропитанию. Что касается, наконец, до управления, то иртышские остяки, с уничтожением их племенного деления, забыли также свои старые статуы и судятся теперь по русскому судопроизводству»³¹. Приведу ещё лишь одно свидетельство известного полярного путешественника Врангеля о населении Колымы. Врангель писал о нём, что «от непрерывных сношений с русскими покоренные народы переняли у них образ жизни, одежду, устройство хижин»³².

Многосторонние культурные и экономические связи, установившиеся между народностями Севера и русскими, закреплялись смешанными браками, которые стали частым явлением. Исследователи уже отмечали отсутствие в Сибири национальной или расовой вражды между русскими и коренным населением³³.

Очень важно подчеркнуть, что здесь не было тех явлений, которые наблюдаются в колониях капиталистических государств (Южная Африка, Индия, Индонезия) и в самих капиталистических государствах (США), где существует полная разобщённость между «белыми» и «цветными» и где «европейцы» с презрением и высокомерием смотрят на негров, «азиатцев», как на низшую расу.

Русская колонизация, несмотря на угнетательскую политику царизма, отличалась от колонизации американской, приведшей к истреблению населения колонизируемых земель. Здесь не было национальной вражды, и, как указывалось, уже в XVII в. в самых широких размерах имели место смешанные браки. В 1622 г. московский патриарх Филарет упрекал сибирского архиепископа Киприана в том, что многие русские люди «смешаются... с татарскими и с остяцкими и с вогулицкими» жёнами³⁴. Церковь осуждала эти браки, но осуждала не из-за разности рас и национальностей, а из-за разности вер. При устранении последнего препятствия смешанные браки осуждения не вызывали³⁵. Частые браки с русскими в XVII—XVIII вв. в ряде районов привели к полному обрусению местного коренного населения. Так было в некоторых районах по Оби и Иртышу, на Камчатке и т. д.

А. Регули в письме академику П. И. Кеппену в 1849 г. указывал, что, составляя этнографическую карту, он исключил из неё обрусевших вогулов по рекам Тавде и Пелыму, так как те «усвоили образ жизни чисто русский, говорят всегда по-русски, и о том, что они составляли некогда один народ с вогулами, в них осталось одно только темное воспоминание»³⁶. А. П. Шапов также отмечал, что по Иртышу и Оби многие ханты (остяки) «вследствие смешения с великорусскими крестьянами, первыми колонистами, совершенно обрусели и вошли в состав великорусского населения»³⁷. Интенсивно шёл процесс обрусения ительменов на Камчатке.

³¹ М. Castren. Reiseberichte und Briefe, aus den Jahren 1845—1849, S. 50—124. SPB. 1853 (пользуюсь старым переводом А. П. Шапова. Соч. Т. II, стр. 445—446. СПб. 1906).

³² Ф. Врангель. Путешествие по Сибири и Ледовитому морю. Ч. II, стр. 110. СПб. 1841.

³³ См. С. Бахрушин. Положительные результаты русской колонизации в связи с присоединением Якутии к Русскому государству и С. Токарев. Культурные связи русского и якутского народов до 1917 г. в сборнике «Прогрессивное влияние великой русской нации на развитие якутского народа». Якутск. 1950.

³⁴ «Собрание государственных грамот и договоров». Ч. III, № 60.

³⁵ См. С. Крашенинников. Описание земли Камчатки, стр. 506.

³⁶ «Записки Географического общества». Кн. III, стр. 162—163. 1849.

³⁷ А. Шапов. Соч. Дополнительный том, стр. 88. Иркутск. 1937.

По данным переписи 1926 г., на Камчатке на ительменском языке говорило 803 человека. Кроме этих ительменов, говоривших на родном языке, было 3 414 ительменов (называемых обычно камчадалами), потерявших свой национальный язык и говоривших на русском языке³⁸.

Вхождение в состав Русского государства не только изменило быт и культуру народностей Севера. Изменились и экономика и социальные отношения. Включение хозяйства народов Севера в товарные отношения, в единый всероссийский рынок содействовало разложению натурального хозяйства народов Севера, товаризовало ряд отраслей примитивного, отсталого хозяйства и сыграло решающую роль в разложении самого первобытного общинного строя у народов Севера. В XVII в. уже получил товарное значение пушной промысел. Позже (в XIX в.) в товарные отношения были включены и другие отрасли (рыболовство, охота).

Находясь в составе феодальной, а позже капиталистической России, народности Севера испытывали сильнейшее воздействие вначале феодальных, а позже капиталистических отношений. У хантов и якутов феодальные отношения начали складываться в XVII веке. Большое значение в этом смысле имела политика самодержавия по отношению к остячкой и якутской родоплеменной верхушке. Интересный материал, опубликованный С. В. Бахрушиным в работе «Остячки и вогульские княжества в XVI—XVII вв.», показывает, что, используя хантыйских кодских вождей, самодержавие пожаловало им в вотчину несколько волостей с населением, дало им иммунитетные права суда и сбора дани с населения этих волостей; этот же материал показывает, что процесс феодализации хантыйского общества не получил своего завершения.

Иначе сложились отношения в якутском обществе. Якутский тойонат в период включения народов Севера в состав Русского государства был более сильной социальной группой, нежели хантыйская родоплеменная знать. Поддерживая тойонат в интересах полного закрепления Якутии, царизм способствовал его дальнейшему экономическому и политическому усилению. В XVII—XVIII вв. шёл процесс концентрации земли в руках тойонов. Вместе с тем предоставление царизмом тойонату ряда судебно-административных прав дало ему политический вес. Наконец система «билетов», установленная во второй половине XVIII в., фактически прикрепила улусных якутов к своим тойонам. В результате в Якутии сложились весьма своеобразные феодальные отношения, густо переплетённые с пережитками первобытно-общинных отношений, а с конца XIX в. сочетавшиеся и с капиталистическими элементами.

В XIX в. среди народностей Севера в результате установления связей с капиталистическим хозяйством России росло экономическое неравенство и ещё большее развитие получил процесс классовобразования. На фоне этих процессов понятно и появление в 30—40-х годах XIX в. таких движений, как движение Ваули Пиеттомина у ненцев и Манчары у якутов. Социальный характер этих движений — движений ненецкой и якутской бедноты против «князьков», тойонов и кулаков — отчётливо вскрывается и документальным материалом и фольклорными данными³⁹.

С развитием капитализма в России капиталистические элементы складываются и в Сибири и у народов Севера. Российский капитализм втягивал в свою орбиту и народы Сибири и народы Севера. Но необходимо подчеркнуть, что на Севере существовали преимущественно неразвитые, начальные формы капиталистической эксплуатации в виде эксплуатации главным образом торговой и ростовщической, прикрываемой к тому же

³⁸ «Языки и письменность народов Севера». Ч. III, стр. 85. М.-Л. 1934.

³⁹ «Ваули Пиеттомин». Из истории социальных движений ханты и ненцев в XIX в. Омск. 1940. «Ваули Ненянг (Пиеттомин) в рассказах ненцев Тазовской тундры». «Летопись Севера». I. М.-Л. 1949, стр. 250—262. О. Ионов а. Василий Манчары. Якутск. 1946.

различными родовыми пережитками. Это ещё не были капиталистические производственные отношения, которые являлись бы господствующими в экономических отношениях народов Севера. Стадии капиталистического развития народы Севера не прошли. Народности Севера можно отнести к числу тех народностей, которые к началу Великой Октябрьской социалистической революции не успели пройти капиталистического развития и сохранили или патриархально-родовой быт или не ушли дальше первобытных форм полупатриархального-полуфеодального быта⁴⁰.

Присоединение к России внесло коренные изменения и в идеологию народностей Севера. С разложением первобытно-общинного строя разрушались и нормы обычного, родового права, изменялись и исчезали старые религиозные представления и обычаи.

Большое значение в разрушении старой идеологии имела христианизация. Бесспорно, что христианизация несла народным массам Севера дополнительное угнетение и православная религия идеологически укрепила царизм на Севере. Но вместе с тем христианизация внесла в жизнь народов Севера ряд новых элементов, знаменовавших собой шаг вперёд в их общественном и культурном развитии.

Вытесняя родовых и племенных шаманов, отменяя старые нормы брака, неразрывно связанные с родовым строем, вытесняя ряд других родовых институтов, христианизация подрывала устой первобытно-общинного строя, являлась дополнительным рычагом в разрушении прежних экономических, общественных и идеологических устоев.

Принятие христианства несло и первые ростки грамотности. Православная церковь нуждалась в некотором количестве грамотных людей из местного населения. В школах при православных миссиях дети коренного национального населения, не имевшего своей письменности, впервые начали обучаться русскому языку и письму. Уже в 1723 г. при архиерейском доме в Тобольске были две школы, в которых обучалось «учеников с девяносто». Филофей Лещинский, известный проповедник христианства на тобольском Севере, предписывал: «В Верхотурском уезде, где найдутся ребята, згоднии к учению, брать и учить прилежно, а буде возможно, отсылать в дом архиерейский, где много новокрещенных ребят учатся грамоте»⁴¹.

В дальнейшем школьное дело на Севере в некоторые десятилетия получало довольно широкое развитие. Так, в середине XVIII в. на Камчатке было 20 школ. Начало школьному делу здесь положила вторая экспедиция Беринга. Первыми учредителями школ явились Беринг, Чириков и Стеллер. Позже школы на Камчатке организовывала миссия Хотунцевского⁴². Школы при миссиях существовали и в других северных районах.

Говоря о включении народностей Севера в состав Русского государства, нельзя не обратить внимания ещё на одну очень важную сторону. Я уже отмечал, что к XVII в. процесс консолидации народностей Крайнего Севера (за исключением якутов) ещё не был завершён. Включение их в состав Русского государства содействовало большей консолидации племён, близких по языку и культуре. Единая администрация, экономические связи с русским рынком — всё это должно было сближать их между собой. С другой стороны, должны были прекратиться кровопролитные межплеменные и межродовые войны, характерные для той ступени развития первобытно-общинного строя, на которой находились племена и народности Севера в XVII веке. Всё это объективно должно было содействовать процессу консолидации народностей Севера, процессу большего объединения родственных по языку и культуре племён.

⁴⁰ См. И. В. Сталин. Соч. Т. 5, стр. 25.

⁴¹ И. Огрызко. Христианизация народов тобольского Севера в XVIII в., стр. 142. Л. 1941.

⁴² См. А. Базагов. Школы на Камчатке в XVIII веке. «Советский Север» № 2 за 1939 год.

Включение племён и народностей Севера в состав Русского государства имело прогрессивное значение для их экономического и культурного развития. У самих народов Севера ещё не было никаких государственных образований. Единственным же претендентом на объединение, и то лишь части, племён Севера, кроме России, было Сибирское татарское царство — осколок империи Чингисхана, — которое ещё в большей мере, чем империя Чингисхана, представляло временное и непрочное военно-административное объединение. В состав этого политического образования входили некоторые хантыйские и мансийские племена, жившие своей собственной жизнью, имевшие свою экономическую базу и тяготившиеся зависимостью от татарского хана. Во время похода Ермака эти племена после первого же сражения русских с татарами порвали свои связи с ханом, и «от Кучумова повеления и рамента отступиша»⁴⁵. Конкретные исторические условия сложились так, что перед народностями Севера открылся несравнимо более прогрессивный путь — путь вхождения их в состав Русского феодального государства, путь, открывавший для них возможности дальнейшего развития.

Вхождение в состав Русского государства и общение с русским народом вывели народы Севера, несмотря на весь гнёт царизма, из состояния вековой изолированности и включили их в общий поток мировой истории. Русские люди шаг за шагом изучили европейский и азиатский Север, его таёжные и тундровые пространства, его реки и горы, изучили природу и освоили богатства Севера, неся всюду свою культуру. Прекрасно об этом движении русского народа сказал А. И. Герцен: «Горсть казаков и несколько сот бездомных мужиков перешли на свой страх океаны льда и снега, и везде, где оседали усталые кучки в мерзлых степях, забытых природой, закипала жизнь, поля покрывались нивами и стадами, и это от Перми до Тихого океана»⁴⁶.

Вместе с тем весь исторический процесс движения вперёд племён, населявших Север, в XVII—XIX вв. протекал в сложной, противоречивой форме. С одной стороны, сближение с великим русским народом оказывало благотворное, положительное влияние на всю культуру народов Севера. С другой стороны, колониальная политика царизма консервировала архаические, устарелые социальные формы и отношения и оказывала самое отрицательное влияние на жизнь северных племён.

«Царская Россия была тюрьмой народов. Многочисленные нерусские народности царской России были совершенно неправы, беспрестанно подвергались всяческому унижениям и оскорблениям. Царское правительство приучало русское население смотреть на коренные народности национальных областей как на низшую расу, называло их официально «инородцами», воспитывало презрение и ненависть к ним...

Царское правительство стремилось задушить всякое проявление национальной культуры, проводило политику насильственного «обрусения» нерусских национальностей. Царизм выступал в качестве палача и мучителя нерусских народов»⁴⁷ — такова сталинская оценка характера колониальной политики царизма. В другой работе И. В. Сталин указывает, что «царизм намеренно культивировал на окраинах патриархально-феодальный гнёт для того, чтобы держать массы в рабстве и невежестве»⁴⁸.

Одним из важнейших исторических источников, раскрывающих развитие народов Севера в XVII—XIX вв., является язык этих народов. В языки народов Севера вошло значительное число русских слов в связи

⁴⁵ «Сибирские летописи». СПб. 1907, стр. 331.

⁴⁶ А. Герцен. Полное собрание сочинений и писем. Под ред. М. Лемке. Т. IX, стр. 458. П. 1919.

⁴⁷ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 6.

⁴⁸ И. В. Сталин. Соч. Т. 4, стр. 355.

с привнесением в жизнь северных народов новых явлений и материальных ценностей, которых раньше не было в их быту и культуре. В якутском разговорном языке насчитывается до 2 400 коренных русских слов⁴⁹. Большое количество русских слов вошло и в другие северные языки.

Новая лексика, вошедшая в языки народностей Севера в результате общения с русским народом, отразила как явления колониальной политики, так и культурные приобретения. Приведу лишь несколько примеров из мансийского (вогульского) языка. Так, в мансийский язык вошли слова: сут (суд, судья), салтат (солдат), урятник (урядник), поп (поп), касна (казна), — но наряду с ними и такие слова, как сопак (сапог), керсенин (крестьянин), юпка (юбка), аскап (шкаф), астакан (стакан), турпа (труба), курек (крючок, крюк) и т. д.⁵⁰

В условиях царского режима народы Севера не могли полностью приобщиться ко всем достижениям русской культуры. Самодержавие сковывало свободный рост и развитие культуры народов Севера. Дворянско-буржуазная наука теоретически оправдывала и обосновывала колониальную политику царизма, рассматривая народы Севера как «обломки первобытных времен, понемногу исчезающие под влиянием русского переселения и русской культуры»⁵¹.

Иным было отношение к народам Севера представителей передовой русской культуры, передовой русской общественной мысли.

Гениальный русский поэт А. С. Пушкин видел в народах Севера равноправных с другими народами наследников его великого литературного наследства:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий
Тунгуз, и друг степей калмык.

Пушкин интересовался историей Камчатки, подробно законспектировал труд Крашенинникова «Описание земли Камчатки» и собирался написать о Камчатке особую статью (сохранился небольшой набросок и краткий план статьи)⁵².

Радикальный историк 60-х годов XIX в. А. П. Шапов много работал над изучением истории, быта и культуры народностей Севера и Сибири. Особенно интересовали А. П. Шапова вопросы взаимоотношения этих народностей и русского народа. Он видел в русском народе ту силу, которая должна была способствовать подъёму и развитию материальной и духовной культуры отсталых народов⁵³.

А. П. Шапов требовал открытия университета в Сибири, указывая, что «университет в Сибири необходим не только для самого русского населения в Сибири, но и для умственного развития, усовершенствования природных сибирских племен, для возбуждения и вызова их, спящих и тщетно тратящихся, но не бедных, здоровых и свежих умственных сил к полезной и производительной общественной деятельности, для удовлетворения их живых умственных порывов и способностей к просвещению»⁵⁴. Показательна самая программа, которую А. П. Шапов наме-

⁴⁹ См. «Прогрессивное влияние великой русской нации на развитие якутского народа», стр. 234. Якутск. 1950.

⁵⁰ См. А. Баландин. Язык мансийской сказки, стр. 26—27. Л. 1939.

⁵¹ «Азиатская Россия». Т. I, стр. 94. СПб. 1914.

⁵² Подробнее об отношении Пушкина к Северу см. нашу статью «Пушкин и Север». «Вестник Ленинградского университета» № 6 за 1949 год.

⁵³ См. А. Шапов. Соч. Т. II, стр. 367. СПб. 1906.

⁵⁴ Там же, стр. 463—464.

чал для будущего университета: она должна была быть связана с коренными вопросами жизни русского и национального населения.

Царизм угнетал народности Севера, но царизм держал в порабощении и русский народ. Царизм был врагом русского народа, как и других народов, населявших Россию. На этой почве шло политическое объединение трудовых масс русского народа и других народов в их борьбе против общего врага. Это имело место на всей территории Российской империи. В движениях Разина, Пугачёва принимали участие не только русские крестьяне и казаки, но и народности Поволжья (мордва, черемисы, татары и др.). Аналогичные факты известны и на Севере. Ещё в конце XVI в. на вотчины Строгановых на Чусовой приходили совместно, как доносили перепуганные царские служилые люди, «разбоем и грабежом» русские крестьяне и манси (вогулы)⁵⁵. Строгановы являлись классовыми врагами и русских крестьян и манси. В 1682 г. в Якутии в одном из восстаний действовали совместно якуты, сосланные раскольники и некоторые казаки⁵⁶. В 1696 г. в Прибайкалье, в районе Братского острога, восстали русские крестьяне и буряты. Крестьяне агитировали и среди эвенков (тунгусов), и позже, когда восставшие выдвинули своё выборное руководство, эвенки и с ними всё бурятское население полностью ему подчинялось⁵⁷.

Большую роль в пробуждении классового и политического самосознания народностей Севера сыграли сославшиеся царизмом на Север русские революционеры. Все поколения русских революционеров перебивали на Севере. Царизм гнал их туда, чтобы задушить революционную мысль в центре России, но и там они вели свою работу, изучали жизнь местного населения, сеяли искры революционного сознания в массах русского и коренного населения. Общеизвестна деятельность декабристов в Сибири и на Севере. Позже политические ссыльные проводили большую культурную (медицинскую, педагогическую) работу, дали ряд ценных исследований о народах Севера (Штернберг, Богораз, Пекарский и др.).

С конца XIX в. Сибирь и Север стали местом ссылки пролетарских революционеров. В отдалённых местах Сибири отбывали ссылку вожди пролетарской революции В. И. Ленин и И. В. Сталин. В Якутии с 1912 по 1917 г. в ссылке находилась значительная группа большевиков во главе с С. Орджоникидзе, Ем. Ярославским и Г. Петровским. Ярко рисуют работу ссыльного большевика на Севере воспоминания З. Орджоникидзе⁵⁸. С. Орджоникидзе в якутской ссылке работал как профессионал-революционер, подготавливая кадры будущих революционных деятелей, одновременно он как фельдшер обслуживал участок протяжённостью в 500 километров. Первые большевистские организации на Севере были созданы ссыльными большевиками.

Из всего вышесказанного можно сделать следующие краткие выводы:

Вхождение народностей Севера в состав Русского государства являлось единственно возможным для них выходом из того состояния разобщённости и изоляции, в каком они находились. Между народностями Крайнего Севера и русским народом установились многообразные экономические и культурные связи. В рамках Российской империи они склады-

⁵⁵ См. С. Бахрушин. Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв., стр. 19. Л. 1935.

⁵⁶ См. «Прогрессивное влияние великой русской нации на развитие якутского народа», стр. 75. Якутск. 1950; С. Токарев. Общественный строй якутов XVII—XVIII вв., стр. 281. Якутск. 1945.

⁵⁷ См. А. Окладников. Очерки по истории западных бурят-монголов, стр. 142—145, 150. Л. 1937.

⁵⁸ См. З. Орджоникидзе. Путь большевика. М. 1948.

вались в противоречивых условиях, поскольку царизм своей политикой угнетения задерживал развитие этих народностей, сеял вражду между русским народом и народностями Крайнего Севера и препятствовал полному приобщению последних к великой русской культуре.

Вместе с тем культурные и экономические связи народностей Севера и русского народа подготовляли почву для политического объединения в борьбе против общих угнетателей. Уже в XVII в. имели место выступления трудовых масс русского народа и народностей Севера против эксплуататоров. Русское революционное движение пробудило классовое и политическое самосознание народностей Севера. Совместная борьба трудовых масс под гегемонией пролетариата, руководимого партией большевиков, ликвидировала всех и всяческих эксплуататоров, уничтожила всякое национально-колониальное угнетение и открыла дорогу к подлинному расцвету всех ранее угнетённых и отсталых народностей.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНА